

УДК 82.091

Г. В. Липин

*Днепропетровский национальный университет имени О. Гончара*

**«ОТКРЫТИЕ ЯПОНИИ» В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ  
НАЧАЛА XX СТ.: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА  
НОГУТИ ЁНЕДЗИРО**

Розглядається ранній етап освоєння японської культури в американській літературі на початку XX ст., визначається малодосліджена та недооцінена у науці роль японського літератора та критика Ногуті Ёнедзіро – інтерпретатора своєї національної культури на Заході, який став сполучною ланкою між культурами двох країн.

*Ключові слова:* японська поезія, хокку, модернізм, імажизм, Ногуті Ёнедзіро, транснаціональний феномен, американська поезія.

Рассматривается начальный этап освоения японской культуры в американской литературе в начале XX ст., раскрывается малоизвестная и недооцененная в науке роль японского литератора и критика Ногуті Ёнедзіро – интерпретатора своей национальной культуры на Западе, ставшего связующим звеном между культурами двух стран.

*Ключевые слова:* японская поэзия, хокку, модернизм, имагизм, Ногуті Ёнедзіро, транснациональный феномен, американская поэзия.

The paper focuses on the first stage in adaptation of the Japanese cultural tradition in American literature represented by Yonijiro Noguchi – writer, poet and critic, undervalued in contemporary criticism. He was the first Japanese interpreter of his national culture for the West, representing the most important link between two countries.

*Key words:* Japanese poetry, hokku, modernism, imagism, Yonijiro Noguchi, transnational phenomenon, American poetry.

Цель статьи – в ходе историко-сопоставительного и историко-литературного анализа высветить малоизученную проблему одного из истоков литературы американского модернизма, связанную с освоением духовно-эстетических черт японской классической поэзии. В задачу исследования входит выявление круга прямых «японских» влияний и контактов, повлиявших на модернистскую оптику Паунда, Элиота, Йейтса и др., которые в своем поэтическом творчестве оживляют и приближают к читателю классическую японскую и китайскую поэзию, японский театр Но, японскую эстетику, живопись, выступая не имитаторами, а хранителями культуры Востока на Западе.

В отечественной и в российской науке японская культура в этом аспекте, к сожалению, пока не изучается. Терминами «японизм» или «japonaiserie» обычно обозначают направление в европейском искусстве второй половины XIX столетия, сложившееся под влиянием японской цветной ксилографии укиё-э и художественных ремёсел, что отразилось в мотивах и технике таких мастеров, как Мане, Гоген, Винсент ван Гог, Дж. Уистлер и др. [15].

Исследователи констатируют влияние японского искусства на импрессионизм, имагизм, на поэзию и драму начала XX в. Однако значительно менее изучены конкретные литературные влияния и прямые литературные контакты. В частности, ни в нашем литературоведении, ни в российском нет специальных исследований, посвященных деятельности японского литератора Ногуті Ёнедзіро (1875–1947), во многом определившим вектор модернистского освоения японской классической поэзии и драмы Но в англо-американской литературе.

По мнению некоторых зарубежных исследователей, Ногути является «значительной фигурой в истории азиато-американской литературы, первым калифорнийским поэтом-модернистом и ключевой фигурой в истории культурного взаимодействия Запада и Востока» [4, p. 60]. Однако этот аспект генезиса американского модернизма, связанного с японской классической культурой, а не с внешней экзотичной декоративностью *japonaiserie*, остается малоизученной областью науки. Внимание зарубежных исследователей сосредоточено, прежде всего, на проблемах идеологической и эстетической колонизации-ориентализации Востока Западом или же сводится к констатации и перечислению фактов растущего интереса к китайской и японской классической поэзии, формам ее переводческого постижения. Исследователи по-прежнему склонны видеть Восток лишь как форму эстетического утешения для Запада («artistic solace» [12, p. 3]).

Исследования творчества Ногути Ёнедзиро, японского поэта-просветителя, раскрывающего изнутри своей культуры уникальность японской поэтической традиции, вообще отсутствуют. Он был единственным японским писателем, поэтом и критиком того времени, который свободно владел английским языком, легко перемещаясь в культурно-географическом пространстве двух стран, создавая не только переводы японской поэзии, но и свои английские образцы жанра хокку, пьес Но. Вовлеченный в литературно-критические дискуссии англо-американских поэтов о новом языке поэзии, он написал резонансные для того времени исследования «The Spirit of Japanese Poetry» (1914), «The Spirit of Japanese Art» (1915), «Japanese Hokkus» (1920), «Japan and America» (1921), «Hiroshige» (1921) и многие другие работы (собранные в двухтомное издание Йошинобу Хакутани [6]), которые не остались незамеченными Элиотом, Паундом, Йейтсом и др., о чем свидетельствует их переписка [7].

Главное отличие рассматриваемого этапа освоения японской культуры в Америке от предыдущих периодов, с рассыпанными по европейским литературам романтическими и экзотизированными образами Японии как загадочной, неизвестной, но манящей воображение страны, – в серьезном филологическом подходе к изучению не только особенностей японского художественного мышления, но и японского языка. Серьезное изучение языка, литературы и искусства Японии Эрнестом Феноллозой, который первым концептуализировал японское искусство как особый культурный феномен, его филологические изыскания с японским профессором, изучение китайского языка Паундом вначале по записям Феноллозы, позднее с синологами, аккультурализация в Японии Лафкадио Хирна, который принял японское имя Коидзуми Якумо, взятое им из древнеяпонского эпоса «Кодзики», и японское гражданство – вот лишь некоторые из многочисленных примеров изменившегося на Западе отношения к Японии.

Роль Ногути в формировании в американской культуре серьезного филологического интереса к японской литературе, его влияние на центральных поэтов этого периода, хотя и отмечаются некоторыми исследователями, но, к сожалению, специально не изучаются.

В фундаментальном труде «Японизм, Ориентализм, Модернизм: Библиография Японии в англоязычном стихе начала XX в.», в котором Япония впервые предстает как «the Western text», Дэвид Эрвик, опираясь на высказывания Паунда, Элиота, Йейтса, замечает, что Ногути должен быть включен в список центральных фигур, оказавших огромное влияние на формирование новых литературно-эстетических ориентаций в американской культуре [1].

Старания Ногути в интерпретации и популяризации жанров японской литературы, изобразительного искусства, культуры были встречены писателями и

читателями с благодарностью и интересом. Современник Ногути, переводчик с китайского Юнис Теджен (Eunice Tietjens), один из редакторов известного и влиятельного журнала «Поэзия», высоко оценил его литературный просветительский вклад: «Noguchi's writing was for the West a first breath from the living Orient and . . . directly . . . forecast the modern movement» [14, p. 96–98]. Юнис Теджен отмечает вписанность творческих усилий Ногути в новое направление в западном искусстве, конгениальность во взглядах с Паундом и Йейтсем на задачи новой поэзии, которые он сформулировал в литературно-критическом труде «Japanese Poetry». Слово «forecast», а не «influenced» в характеристике Ногути здесь тоже не случайно. Самые ранние попытки Ногути популяризировать японскую поэзию в американской культуре отмечаются с 1904 г., когда он обратился к американским поэтам с предложением («A Proposal to American Poets») освоить жанр хокку для исцеления от многословия. Поэтому утверждение К. Л. Гудвина [2, p. 32] о том, что это Паунд оказал влияние на Ногути, выглядит исторически некорректным, тем более, что речь идет о японском влиянии. К тому же английские хокку Ногути были опубликованы намного раньше начавшихся обсуждений имагизма [6, p. 69]. Степень влияния Ногути на Паунда остается предметом отдельного исследования.

Видный специалист в этой области Эрль Минер доказывает, что Паунд ничего не знал о японской поэзии вплоть до 1913 или 1914 г. [5, p. 572–73]. По мнению Йошинобу Хакутани [3, p. 12], Паунд впервые познакомился с жанром хокку благодаря Ногути. Его влияние на паундовскую концепцию имагизма нельзя не учитывать. Достаточно обратиться к интерпретации принципа этого жанра у Ногути: «In the realm of poetry there is no strict boundary between the domains generally called subjective and objective; while some *Hokku* poems appear to be objective, those poems are again by turns quite subjective through the great virtue of the writers having the fullest identification with the matter written on» [8, vol. 2, p.73]. Здесь Ногути акцентирует как раз те особенности объективности-объектности/ vs. субъективности поэзии, которые позже в теории Элиота «объектного коррелята», а также принципа «escape from subjectivity» станут центром модернистской поэтики. Ногути иллюстрирует этот принцип, приводя свое стихотворение «Окончание лета» / «The Passing of Summer» / «An empty cup whence the light of passion is drunk! – / Today a sad rumour passes through the trees, / A chill wind is borne by the stream, / The waves shiver in pain; / Where now the cicada's song long and hot?» [10, vol. 1, p. 149].

В японской поэзии эта объектность и отсутствие субъективности являются выражением имманентных свойств японского искусства. Об этом же, но в ином стилистическом регистре, пишет Ногути в эссе «What Is a Hokku Poem?», опубликованном за два года до эссе «Vorticism»: «I always thought that the most beautiful flowers grow close to the ground, and they need no hundred petals for expressing their own beauty; how can you call it real poetry if you cannot tell it by a few words?» [11, p. 355]. Паунд несколько позже свяжет точность и простоту композиции с «поэзией одного образа» («one image poem») – haiku-like poem [13, p. 467]. Ярким воплощением этого художественного принципа является знаменитое *metro poem*: «The apparition of these faces in the crowd: / Petals, on a wet, black bough» [13, p. 467].

Ногути отмечает главные особенности этого японского жанра: поэтические образы должны быть прозрачными, а не темными, прямыми, а не символическими, и цель хокку – выражение души природы, а не изображение того, как видит ее поэт. Эти же принципы сформулированы Паундом в программном эссе «Вортицизм», в котором он впервые признал влияние на свое творчество японской поэзии, и в частности – техники жанра хокку: «In a poem of this sort one is trying to record the precise instant when a thing outward and objective transforms itself, or darts into a thing inward and subjective» [13, p. 467].

Сопоставление хайку японского поэта Аракида Моритакэ (1472–1549) в переводах Паунда и Ногути показывает родство Ногути и Паунда в понимании вещества японской поэзии:

落花枝にかへると見れば胡蝶哉 守武

rakka eda ni / kaeru to mireba / kochō kana

(«Опавший цвет, кажется, возвращается на ветку»)

Перевод Паунда: *The fallen blossom flies back to its branch: / A butterfly* [13, p. 467]. В японском хокку он выделяет главное: «стихи рождаются от потрясения красотой» и дает точный и тонкий комментарий поэтики этого стиха: «*The Japanese have had the sense of exploration. They have understood the beauty of this sort of knowing*».

Перевод Ногути точнее, ближе к оригиналу: «*I thought I saw the fallen leaves / Returning to their branches: / Alas, butterflies were they*» [9, p. 50]. Оба перевода содержат ключевые слова «fallen», «branch», and «butterfly». Единственное отличие – это передача Паундом «*ka*» как «blossom», а Ногути – «leaves».

В жанре японского хокку Паунд ценит сжатость и точность стиха, а не описательность и декоративность – все те художественные векторы, которые определяют его поиски нового языка поэзии: «*All poetic language is the language of exploration. Since the beginning of bad writing, writers have used images as ornaments*» [13, p. 466].

В эссе «Что такое поэзия хокку?» Ногути приводит и анализирует известное хокку поэта школы Басе Кикаку: «*Autumn's full moon: / Lo, the shadows of a pine tree / Upon the mats!*» и раскрывает японский смысл принципа, который позднее Паунд, постигая японскую поэзию, концептуализировал как «суперпозицию». Ногути пишет: «*Really, it was my first opportunity to observe the full beauty of the light and shadow, more the beauty of the shadow in fact, far more luminous than the light itself, with such a decorativeness, particularly when it stamped the dustless mats as a dragon-shaped ageless pine tree*» [11, p. 357]. Обращаясь к английским поэтам в другом эссе, Ногути посоветует: «*it is time for them to live more of the passive side of Life and Nature, so as to make the meaning of the whole of them perfect and clear, to value the beauty of inaction so as to emphasise action, to think of Death so as to make Life more attractive*» [9, p. 24–25]. В его анализе поэтики хокку преломилась особенность восточного мироощущения, проникнутого философией недеяния. Однако нельзя не заметить и прямого созвучия с установками Паунда: «*one is concerned with the relative intensity, or relative significance, of different sorts of expression... They are more dynamic. I do not mean they are more emphatic, or that they are yelled louder*» («*Vorticism*», 468). Позднее в эссе «*Affirmations*» (1915) Паунд поэтически иллюстрирует свою мысль: «*The pine-tree in mist upon the far hill looks / like a fragment of Japanese armour*», замечая, что и сосна, и фрагменты доспехов на холме несопоставимы и поэтому одинаково прекрасны и самоценны. Образы прямо накладываются друг на друга, создавая единство, которое рождает открытость смысла и ощущений. Этот принцип суперпозиции в образности хокку станет важной чертой поэтики Паунда.

Дух японской поэзии был тонко понят Паундом не без влияния японского Ногути – поэта и критика (что подтверждается и хронологически). Хокку современников Паунда – Т. Э. Халма, Ф. Флинта и Олдингтона – выглядят надуманными поверхностными имитациями японских образцов, взятых из третьих рук через французские переводы по подстрочникам.

В истории прямого влияния Ногути на англо-американскую поэзию пристального изучения заслуживает его творческое сотрудничество с Йейтсом. По-

следний не меньше, чем Паунд (оба лично знакомы с Ногучи), был обязан ему своим постижением культуры Японии и театра Но. И хотя японский просветитель не был единственным источником знаний Йейтса о драме Но (интерпретация некоторых текстов Феноллозой и переводы Паунда уже входили в круг его поэтического вдохновения), но именно деятельность Ногучи – билингва и носителя японского языка и культуры – оказала влияние на воплощение театрально-режиссерских фантазий Йейтса. В резонансной работе «Дух японской поэзии (1914) в разделе «Но: Японская пьеса безмолвия» [9] Ногучи объяснял особенности японской драмы Но и своей, написанной на английском языке в этом жанре. Ногучи не только прививал американской культуре любовь к японской поэзии, но и популяризировал английскую и американскую литературу в Японии.

Транскультурная просветительская деятельность Ногучи, его влияние на формирование поэтических принципов имажизма, вортицизма, интериоризация поэтики жанра хокку и драмы Но в англо-американской литературе – это лишь некоторые аспекты его вклада в диалог Востока и Запада, который достоин дальнейшего углубленного изучения.

### Библиографические ссылки

1. **Erwick David.** Japonisme, Orientalism, Modernism. A critical bibliography of Japan in English-Language Verse [Электронный ресурс] / David Erwick. – Режим доступа : <http://themargins.net/bibliography.contents.html>
2. **Goodwin K. L.** The Influence of Ezra Pound / K. L. Goodwin. – London : Oxford University Press, 1966. – 230 p.
3. **Hakutani Yoshinobu.** Introduction / Yoshinobu Hakutani // Modernity in East-West Literary Criticism: New Readings / Ed. Yoshinobu Hakutani. – Madison, N. J. : Fairleigh Dickinson University Press, 2001. – P. 7–21.
4. **Marx Edward.** «What about My Song»: Yone Noguchi in the West / Edward Marx // Modernity in East-West Literary Criticism: New Readings / Ed. Yoshinobu Hakutani. – Madison, N. J. : Fairleigh Dickinson University Press, 2001. – P. 41–62.
5. **Miner Earl.** Pound, Haiku and the Image / Earl Miner // Hudson Review. – 1956–1957. – # 9. – P. 570–584.
6. Modernity in East-West Literary Criticism: New Readings / Ed. Yoshinobu Hakutani. – Madison, N. J. : Fairleigh Dickinson University Press, 2001. – 226 p.
7. **Noguchi Yone.** Collected English Letters / Ed. Ikuko Atsumi. – Tokyo : The Yone Noguchi Society, 1975. – P. 210–211.
8. **Noguchi Yone.** Selected English Writings of Yone Noguchi: An East-West Literary Assimilation / Ed. Yoshinobu Hakutani. – Rutherford : Fairleigh Dickinson University Press, 1990. – Vol. 1. – 216 p. – 1992. – Vol. 2. – 356 p.
9. **Noguchi Yone.** Spirit of Japanese Poetry / Yone Noguchi. – London : John Murray, 1914. – 120 p.
10. **Noguchi Yone.** «The Passing of Summer» / Yone Noguchi // Selected English Writings of Yone Noguchi: An East-West Literary Assimilation / Ed. Yoshinobu Hakutani. Rutherford : Fairleigh Dickinson University Press, 1990. – Vol.1. – P. 149.
11. **Noguchi Yone.** «What Is a Hokku Poem?» / Yone Noguchi // Rhythm. – 1913. – #11. – P. 355.
12. **Park Josephine.** Apparitions of Asia: Modernist Form and Asian American Poetics / Josephine Park – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 208 p.
13. **Pound Ezra.** Vorticism / Ezra Pound // The Fortnightly Review. New Series. – 1914. – # 1. – P. 191.
14. **Tietjens Eunice.** Yone Noguchi / Eunice Tietjens // Poetry : A Magazine of Verse – 1919. – 15. – P. 96–98. cit Marx Edward. «What about My Song» : Yone Noguchi in the West // Edward Marx // Modernity in East-West Literary Criticism : New Readings / Ed. Yoshinobu Hakutani. – Madison, N. J. : Fairleigh Dickinson University Press, 2001. – P.41–62.
15. **Wichmann Siegfried.** Japonisme: The Japanese Influence on Western Art since 1858 / Siegfried Wichmann. – L. : Thames and Hudson, 1981. – 432 p.

*Надійшла до редколегії 09.11.2013*